

В ЭТИ ОСЕННИЕ ДНИ...

Осень нынешнего года как-то не по-сибирски скупа на солнечный свет и тепло, не в блеске нежных прощальных лучей увядает её лучистая краса, а в серых, холодных сумерках, и, может быть, именно поэтому так мало в эти дни рождается стихов о природе. Не вдохновляет она. Ну, что ж, не пишется – насиловать себя не надо. Но тут же ловишь себя на мысли: неужели только сами по себе красочные пейзажи могут взволновать поэтическую натуру? А близкие к природе люди, их труд? Увы, не пишут молодые авторы о героях страдной поры, о тружениках села, которые вправе ждать тёплого поэтического слова о себе.

Могут ответить: поэт – не репортёр, чтобы писать только на «злобу дня». Да, это верно, однако кто же, как не поэт, должен воспроизводить действительность? Будьте ближе к жизни, активно вторгайтесь в неё! – этот лозунг никогда не устареет.

Большую подборку – из пятнадцати стихотворений – прислал в редакцию из Новокузнецка В. Петраш. В приписке он говорит: «Я бы не против и совсем Вам не писать, да вот беда – стихи-то пишутся, и мне крайне нужно Ваше мнение о них».

Видно, молодой человек невнимательно читает газету, в которой хотел бы сотрудничать, ведь мы уже имели случай высказать своё мнение не просто об отдельных его стихах, а обо всей поэтической работе В. Петраша. Вот как, в частности, характеризовалась она: «Полное отсутствие оригинальности, творческая несамостоятельность».

Впрочем, уважим автора, посмотрим, что «пишется» ему в настоящее время. Судя по всему, наиболее волнующая его тема – тема любви, это видно из многих стихов, таких, как «Скажи, о чём ты думаешь», «Нам не встретиться более», «О, как ты страстна, как ты страстна!», «Верность», «Ты говорила, нет любви». Чтобы понять, на каком художественном уровне сделан любовный цикл, приведём одно, самое короткое стихотворение, которое не хуже и не лучше других:

*Ты говорила, нет любви,
Есть только глупость и привычка.
И как там сердцем ни криви –
К любому сердцу есть отмычка.
Ах, как была ты не права!
Ничьё ты сердце не открыла –
Твои жестокие слова
Тебе же за меня отместили.*

Приходится гадать: в чём суть этой путаной мысли? Чем отомстил девушке её, по меньшей мере, своеобразный взгляд на любовь? Если не найдена отмычка к сердцу лирического героя, то почему он считает, что он отомщён? Что даёт ему повод злорадствовать?

Другие стихи цикла логически более здравы, однако мысли их не идут дальше таких «открытий», как то, что «ты, как гулкое эхо, прокатилась и нет», и что «снова один я, и снова один, один и люблю и тоскую», что «благодарю тебя за этот дым густой... табачный, едкий» (ночью в комнате до синевы накурено, за что же благодарить?).

Прочтём ещё одно стихотворение:

*В пыли цветок лежит завялый,
Как будто крови сгусток алый,
А по нему – людей подошвы!
И я кричу им: «Люди, что ж вы
Глухими ли, слепыми стали?
Вы чьё-то сердце растоптали!»*

Горькую усмешку вызывают эти надуманные строчки, в которых ложность чувства и наивность содержания слиты воедино. Осень, земля усыпана опавшей листвой, все ступают по ней, а поэт негодует, упрекает прохожих в бессердечности (он-то, вероятно, по воздуху летает!).

Хочется от души посоветовать В. Петрашу: дорогой товарищ, оставьте вы на время писание подобных стихов, возьмите лучше томик Пушкина, найдите там жемчужины поэзии «Я вас любил. Любовь ещё, быть может» – и в них вы откроете как раз то, о чём пытаетесь косноязычно и по-ученически беспомощно сочинять. Лучше всяких критиков, точным словом выразили вы свои творческие муки: «да вот беда – стихи-то пишутся»...

Юргинский автор Павел Бессонов предложил вниманию редакции два стихотворения – о Вьетнаме и «Новый дом». Искренность их несомненна. Первое навеяно воспоминаниями о Великой Отечественной войне, о том, как наши «матери бились в безутешных рыданиях у холмиков свежей земли». Родственное многим советским людям чувство переполняет душу молодого стихотворца:

<i>Сквозь газетные строки я вижу багровое пламя. Словно сдвинулось время, вчерашнее вновь ожило...</i>	<i>Потому мне и близкими стали посёлки Вьетнама, Как горящее в памяти вечно России родное село.</i>
--	---

У стихотворения широкое дыхание, в простых, непритязательных словах – боль, печаль и тревога за будущее, а всё стихотворение согрето светом патриотизма и интернациональной солидарности с многострадальным вьетнамским народом.

В «Новом доме» автор пытается опозитизировать будничные, на первый взгляд, труд строителей: *«Помнят стены весёлых штукатуров–девичат. Расцветают обои, словно луг у реки, и спелят аж до боли близкой потолка... А на окнах открытых вместо тюлевых штор – ливнем тёплым омытый неба синий простор»*. Последний образ – хорошая поэтическая находка, свидетельствующая о стремлении автора отображать мир по-своему.

Павел Бессонов совершенно правильно ориентируется в своей работе на темы, представляющие общественный интерес. Правда, он ещё не умеет по-настоящему, добротнo отделять свои стихи, иногда ему изменяет художественный вкус, и появляются на его рабочем «верстаке» негодные детали-строчки вроде вот этих: *«Целиною цветастой разостлались полы»* (нет слова «цветастый», есть «цветистый», т. е. разноцветный, пёстрый, да и сравнение пола с целиной натянутое); *«будьте счастливы, дети этих новых домов!»* (подразумеваются дети, которые будут жить в новом доме, но само выражение «дети домов» очень неловкое).

Где-то ещё на самых дальних подступах к серьёзной, осмысленной литературной работе блуждает пока тисульский автор Георгий Афанасьев. Начинать ему надо, как говорится, с азов стихосложения: с освоения стихотворного ритма, который то и дело сбивается с одного такта на другой. В подборе рифм автор более чуток, хотя и тут он проявляет некоторую музыкальную глухоту, считая, например, созвучными такие слова, как *у входа – строго, всеми – имени, грот – стихов, близко – молиться* и т. п. Однако техника стиха – это не самое главное, чем предстоит овладеть Георгию Афанасьеву. В первую очередь, ему следует заняться изучением русского языка, правил грамматики. Нельзя работать уверенно и смело, если из-под пера выходят такие, скажем, речевые обороты:

*На страну иную, пусть и краше,
С южным солнцем, пышной и цветущей, –
Не сменяю я Отчизны нашей
На заморские сады и кущи.*

Увлёкся автор построением строфы, рифмовкой и упустил из виду самое существенное: грамотность. Фраза должна звучать иначе: *«На страну иную... пышную и цветущую»*.

Немного грамотнее стихи новокузнецанина Николая Никифорова, но и у него встречаются словесные неточности: *«ожила»* (с ударением на первом слоге), *«в груди забилося сердце вдруг и жарче стала кровь»* (как будто до этой минуты сердце не билось; сильнее забилося – другое дело).

Не хотелось бы делать упрёк в недостаточном знании родного языка Вл. Пилюгину (г. Белово), автору, безусловно, способному, имеющему в своём творческом багаже некоторые ценности, но и ему полезно почаще заглядывать в словари, чтобы не случались вот такие казусы:

*День – ни к чёрту! Выжимает
Тучи мокрые он ветром.
Всё бросает и бросает
Их, отжавшие, в корыто.*

Ветер, выжимающий, как из белья, воду из туч – хороший образ, недаром автор, радуясь находке, завершает стихотворение тем же образом, чтобы привлечь к нему внимание читателя: *«Ветер тучи выжимает – Дождь по гулким крышам бьёт»*. А как быть со словом «отжавшие»?

Пусть не считают молодые авторы, что рецензенты придираются к ним, указывая на незначительные, вроде бы частные погрешности. Вспомним высказывание Белинского: *«Поэзия есть искусство, искусство, изящная форма истинных идей и верных (а не фальшивых) ощущений; поэтому часто одно слово, одно неточное выражение портит всё поэтическое произведение, разрушая целостность впечатления»*.

Выше мы сетовали, что никто из молодых авторов, приславших свои стихи в редакцию, к сожалению, не вдохновился сейчас, в осеннюю пору, темой героического труда земледельцев. Недостаток в разработке этой достойной самого пристального внимания темы в какой-то степени мы хотим восполнить тем, что приведём в заключение обзора небольшое стихотворение Вл. Пилюгина «Парное молоко», в котором хотя и косвенно, а отдаётся дань уважения к людям села:

<i>Я молоко парное пил из кринки. И запах молока был так знаком мне – Так могут пахнуть только хлеб и солнце И ягоду державшие ладони.</i>	<i>И от него, как будто от тропинки, Оттаявшей весной, шло тепло. ... Я молоко парное пил из кринки.</i>
--	--

М. Александров*. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 28 сентября. – С. 3.

* – Псевдоним М. Небогатова, под которым газета иногда давала его статьи и стихи (Примечание Н. Инякиной).

«Я ПОЮ ВАМ, ДРУГИ, Я ПОЮ...»

«Поэзия, – говорил Белинский, – есть искусство, художество, изящная форма истинных идей и верных (а не фальшивых) ощущений». Высшим образцом, убедительно подтверждающим это положение, великий критик, как известно, считал поэзию Пушкина: «стих Пушкина можно сравнить с красотой человеческих глаз, оживлённых чувством и мыслию: отнимите у них оживляющее их чувство и мысль – они останутся только красивыми, но уже не божественно прекрасными глазами». И далее: «у Пушкина нет ни одного стихотворения, которое не вышло бы из жизни и было написано вследствие желания так что-нибудь написать, в чаянии, что авось-де это будет недурно».

Давайте с точки зрения этих высказываний рассмотрим стихи некоторых молодых авторов. Пушкин, разумеется, недостижим, Белинские тоже рождаются раз в столетие, но это отнюдь не значит, что мы не должны равняться на поэзию великого поэта и признавать обязательными требования, которые предъявлял к художественному творчеству великий критик:

*Туда, где трубы высятся,
Топорчатся леса,
Туда, где поднимается
Рассвета полоса,
Где грохотом наполнена
Работа, как набат,
Шагает он,
Ровесник мой,
Строитель и солдат.*

*По-взрослому сутулится.
Я рядом с ним иду.
Смотрю на руки тяжкие,
Привычные к труду.
Кажись, из стали вылиты,
На век закалены.
Бугры мозолей каменных
В ладони вкраплены...*

Хочется спросить автора стихотворения «Руки» новокузнецчанина Михаила Субботина: неужели вам самому нравятся эти правильные по мысли, но совершенно лишённые живого чувства строчки, в которых нет ничего от поэзии, кроме разве того, что они поставлены в определённый ритмический строй и скреплены рифмами? Представим этот текст в виде обыкновенной газетной заметки, информации – и какая же скучнейшая проза предстанет перед нами! Ни одной запоминающейся художественной детали, ни одного оригинального сравнения – всё настолько шаблонно, что, честное слово, не было смысла придавать этим общим фразам стихотворную форму.

Другой новокузнецкий автор В. Петраш предлагает напечатать стихотворение «Русская девушка». С первой же строчки ясно, что автор не думает ни о каких творческих поисках, он одержим одним желанием – что-нибудь написать, срифмовать. И вот вам результат этой одержимости:

*Как берёзка нежна и стройна,
Синеглазая, русококая...
Сквозь тебя проломилась война
Со своими смертями и грозами.
Но любовь в твоём сердце она не сожгла,
Не наполнила злобой и косностью,
Ты глухие места на земле обжила
И на землю взглянула из космоса.*

Да простит нам уже не первый год пишущий В. Петраш, но, право слово, не выдерживает критики это бездумное суесловие. О какой девушке он пишет? Из какого космоса «взглянула она на землю»? Миру известна пока лишь одна женщина, побывавшая у звёзд, и как же можно в обобщённом, отвлечённом образе русской девушки воплощать явление, которое только в далёком будущем станет массовым, но о котором автор уже сейчас говорит так, будто это не исключительное, а рядовое, привычное всем девушкам дело. А попробуйте проанализировать иные строчки. «Но любовь в твоём сердце она не сожгла». Любовь к чему, к кому?

Многолетний «творческий стаж» и у кемеровчанина Владимира Конины, которого мы больше знаем как автора песенных текстов. Самодельные композиторы сотрудничают с ним не случайно: В. Конины весьма неплохо владеет стихотворной формой – чётким ритмом и точными рифмами, а это для песни немаловажное качество. К сожалению, музыканты часто не проявляют должной требовательности к стихам, что в свою очередь отрицательно сказывается и на работе их «поставщиков», поэтов-песенников, которым не всегда удаётся преодолеть инерцию лёгкого сочинительства. Об этом наглядно свидетельствует стихотворение В. Конины «Откровение». Это лирическое признание в любви к родной природе. Вот как оно начинается:

*Кружит и петляет таёжная тропка,
Ведёт нас с приятелем к славным местам.
Из ельника месяц вдруг выглянул робко,
Узнал нас, кивнул и поплыл к небесам.*

Ждём, что автор покажет нам «славные места».

*А вот и знакомый шалаш прошлогодний –
Пристанище наше в ненастные дни.
Мы рады с тобой повстречаться сегодня.
Коль рано пришли, так ты нас извини.
Нам очень хотелось с тобой повидаться,
На речку взглянуть и на эти места.
Ох, трудно, порою нельзя удержаться,
Коль здесь вот такая царит красота.*

Слов много, но они как бы топчутся на одном месте: в двенадцати строчках ничего, кроме ельника, месяца да безликого шалаша, мы не увидели. Дважды упоминаются «славные места», дважды повторяется одна и та же по существу мысль: «Мы рады с тобой повстречаться сегодня», «Нам очень хотелось с тобой повидаться». Раз хотелось – само собой разумеется, что рады. «Такая красота». А какая именно, мы так и не узнаём. Вместо того чтобы дать красочную, неповторимую картину пейзажа, автор пускается в длинные рассуждения: «Приятель мой очень до рыбки охочий, мастак и добытчик, а я не такой. Рыбак не рыбак. Словом так, между прочим, влекут меня больше росистые ночи, ковёр разнотравья, костёр над рекой... С волненьем к природе хожу на свиданье из города пыльного, шумного я. Конечно, ушица мне нравится тоже, нет блюда, пожалуй, на свете вкусней. Однако намного, гораздо дороже святое раздолье лесов и полей»... Едва ли способны эти вялые, монотонные строчки задеть читателя за сердце.

Выше мы говорили о лёгком сочинительстве, имея в виду очень распространённые в наши дни мелкие по содержанию песенные тексты, которые пишутся (к сожалению, не только неопытными стихотворцами, а и профессиональными «умельцами»), с расчётом на то, что их «вывезет» музыка. Образчик такого текста прислал из Мысков военнослужащий П. Е. Деркачёв:

*Я пою вам, други, я пою.
Я пою вам, други, про любовь свою.*

*Про любовь безбрежную, чистую и нежную,
Про любовь заветную, гордую и светлую.*

Припев:

*Я пою вам, други, я пою,
Я пою вам, други, про любовь свою.*

Лирический герой поёт, поёт, видимо, самозабвенно, да вот вопрос: найдётся ли охотник подхватить эту песню, содержание которой по существу ограничивается одним этим восторженно-умилительным «я пою».

В отличие, скажем, от В. Конины, почти безупречно владеющего техникой стиха, А. Арсентьев из с. Горскино Беловского района ещё очень неуверенно обращается с ритмикой и рифмовкой, но этот временный недостаток с лихвой окупается у него неподдельным, искренним чувством, которое нет-нет да и озарит те или иные строчки.

*Помнишь, мама, мы были маленькими,
Ты заботливо укладывала нас в
кроватки,
А потом, задумавшись, в нашей
спаленке
К итанишкам прилаживала заплатки.
Помнишь, мама, когда я болел
скарлатиной,*

*Ты у койки сидела все ночи,
Мне рассказывая про Буратино,
Украдкой слезу вытирала платочком.
Мама, помнишь, мы в школу пошли.
Ты, счастливая, нас провожала.
И нам долго косынкой вослед
У калитки с улыбкой махала.*

Стихи, как видим, наивные, неумелые, а к поэзии имеют прямое отношение – они воздействуют на нас эмоционально. Пользуясь сравнением Белинского, можно сказать, что из этих строчек как бы смотрят на мир по-детски широко открытые глаза. Пусть взгляд их не поражает ещё нас мудростью, но это живые глаза, с огоньком! Прочитированные строчки А. Арсентьева во всех отношениях далеки от совершенства, однако далеки они и от более гладких по форме стихотворений, которые мы здесь анализировали, – от прозаической шаблонности «Рук», невразумительности «Русской девушки» и от холодной рассудочности «Откровения».

М. Небогатов, член Союза писателей. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 21 августа. – С. 4.

ИСКРЫ ИСКРЕННОСТИ

Всё ближе исторический юбилей – столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Думами о Ленине живут сейчас все трудящиеся нашей планеты, всё прогрессивное человечество. Ленинская тема так или иначе отображается и в стихах молодых авторов. «Прошу вас дать отзыв о моих стихотворениях, – пишет в редакцию прокопчанка Вера Еремицкая, – может быть, они и неудачные, но я писала от всего сердца. В. И. Ленин является для меня примером в труде и жизни». Вера Еремицкая не претендует на публикацию своих стихотворений, однако одно из них вполне заслуживает того, чтобы целиком процитировать его:

*Родное ленинское имя
В народных думах и мечтах.
Оно, как солнце, негасимо,
Оно у всех живёт в сердцах.
Принёс он Родине свободу
И землю светом озарил.*

*Он мир и счастье дал народу,
На труд и подвиг вдохновил.
О нём шумят весною реки,
И песни мы поём о нём –
О самом светлом человеке,
О самом мудром и простом.*

Действительно, это написано не совсем профессионально, зато от всего сердца. Хорошие слова нашла Вера Еремицкая для обобщения своих раздумий о великом вожде:

*Всё меньше тьмы, всё больше в мире света,
Зажжённого бессмертным Ильичом!*

Не всем, однако, по душе свет ленинских идей, есть на земле люди, которые хотели бы погасить его, поэтому ленинская тематика в творчестве начинающих авторов органически переплетается с темой обороны нашей страны, с темой войны и мира. Не очень умело в литературном отношении, но тоже от всего сердца написаны стихи военнослужащего Виктора Борокова, посвящённые тем, кто пал смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны:

*Мальчишки, не пришедшие с войны,
Не видевшие зарева победы,
У разных городов погребены,
Вихрастые, простые непоседы.
Вы тоже где-то песни пели,
Улыбки собирали у весны.*

*А полюбить вы просто не успели,
Мальчишки, не пришедшие с войны.
Мы обещаем вам, мальчишки,
Мы, ваши сверстники, друзья,
Погибнем, если будет нужно,
А по-другому просто нам нельзя.*

Да, по-другому нельзя, невозможно. Это звучит как клятва. Ради такой, близкой нам всем мысли, ради искренности, с которой написано стихотворение, можно простить Виктору Борокову сбивчивый ритм, слабость некоторых рифм, словесную неточность в ряде строчек. Техника стиха – наживное дело, в данном случае важно иное – гражданская позиция, достоверность мыслей и чувств.

От имени недавно демобилизованных солдат говорит в стихотворении «Матери» сержант запаса Геннадий Измайлов из Междуреченска:

*Я на прощанье был важен и строг,
Ещё бы: пострижен ведь наголо.
А ты мне тихонько сказала: – Сынок...
И как-то смущённо заплакала.
Тень вдруг легла на родные черты,
Стали заметней морщины.
Я догадался, что вспомнила ты
Проводы старшего сына.*

*Память твою воскресила вокзал,
Поезд, гудящий уныло...
Ты провожала... И кто тогда знал,
Что навсегда проводила.
Мне ли не знать материнскую грусть?
Верь, мама, слову солдата –
Я отслужу и к тебе возвращусь
Очень похожим на брата.*

Из стихов В. Борокова и Г. Измайлова видно, что на одну и ту же тему можно написать по-разному, оригинально, если вкладывать в эту тему своё личное отношение к ней, заветное и сокровенное, без чего не может быть, как говорил Маяковский, поэтов хороших и разных. А что это именно так, может подтвердить и стихотворение «Ожидание», принадлежащее курсанту Кемеровского военного училища Виктору Вишнякову:

*Ты спишь сейчас, а мне весну
встречать,
И ждать её немного появленья,
Чтобы потом бессменно охранять,
Хоть не гласят об этом наставленья.
Мой пост ей не оставить в стороне,
Не обойти окольными путями,
Ведь служит он опорой весне,
Скреплённую солдатскими сердцами.*

*Пускай она здесь наберётся сил
Для своего заветного рассвета,
Чтоб он ей светлый путь определил
И дал увидеть приближенье лета.
Ты спишь сейчас. К тебе стремятся сны,
Твой дом они отыщут на планете,
А мне встречать вступление весны –
Я за её грядущее в ответе.*

Виктор Вишняков нашёл для не новой, казалось бы, темы такие слова и образы, которые позволяют нам воспринимать весну не только как время года, но и как Весну с большой буквы – символ мира и счастья на земле.

По нашим наблюдениям, удачи сопутствуют, как правило, тем авторам, которые берутся за перо по душевной потребности, а не из одного желания что-то срифмовать. Для опытного читателя не составляет особого труда отличить искренность от надуманности. Читаешь, например, стихи новокузнецчина В. Петраша и создаётся впечатление, что он готов написать стишок на любую тему, благо техника стихосложения уже неплохо освоена им. Вот, скажем, восьмистрочное стихотворение под многообещающим названием «Правда»: «Я знаю, я знаю – прав ты! Иной раз с плеча рублю – люблю я суровую правду и горькую правду люблю. Порою становится тошно, коль правдою колют глаза, но это простить ведь можно, обман же простить нельзя!».

Абстрактно, беспредметно стихотворение В. Петраша «Подлость»:

*Я ненавижу подлость,
Мешающую жить,
Подлость, как полость
Трусливой души.
Прикинется доброй,
Подлезет ужом
И в сердце сквозь рёбра
Вонзится ножом.*

*И снова чистая,
И снова добра,
До следующего выстрела
Из-за угла.
На травах смятых
Крови струя,
Быть может, чья-то,
Быть может, моя.*

Анатолий Жамеро из Новокузнецка сообщает, что первые его стихи были опубликованы ещё в 1962 году и с тех пор он постоянно печатается. Для нашей газеты молодой автор отобрал восемь стихотворений. На первый взгляд, все они написаны литературно грамотно, со знанием дела, но если приглядеться к ним пристальнее, внимательнее, то легко обнаружить многие недостатки, погрешности. Вот начало

стихотворения «Каменщик»: *«Мороз старается усердно – куёт кристаллы леденцов и с нежностью немилосердной румянит юное лицо»*. Разве можно сказать про нежность, что она «немилосердная»? И разве леденцы и льдинки, которые имеет в виду автор, одно и то же?

«Я встаю, пронизанный сноровкой, и иду с гудящей толпой». Это из стихотворения А. Жамеро «Утро». Оказывается для того, чтобы подняться утром с постели, нужна... сноровка. О любви говорит так: *«Она и ось земного шара, и жизни истинная мать»*. Далась некоторым стихотворцам эта земная ось! Спроси их, что это такое, они и сами не знают...

Из всей подборки, присланной Анатолием Жамеро, лишь одно стихотворение – «Сосёнка» – оставляет хорошее впечатление:

*Ислётанная ветром белым,
В накидке инея сквозной,
Сосёнка, розовая телом,
Стоит под синью навесной.
Ты посмотри, каких усилий
Ей стоит зиму пережить!*

*И не впадёт она в бессилье –
Она звенит, а не дрожит.
Она прошла всё зло стихии
В былые грозные года.
Она, как женщина России,
И терпелива, и горда.*

По образу – стойкость дерева и женщины – и это стихотворение не ново, но нет в нём, по крайней мере, остро бросающихся в глаза недоработок. А это в свою очередь свидетельствует о том, что автор может писать, «не впадая в бессилье».

Как уже говорилось выше, искренность – одно из основных условий для создания полноценного художественного произведения, способного взволновать читателей. К сожалению, часто случается так, что искры искренности гаснут в словесном мусоре. Гурьевский автор Валентин Рубцов прислал в редакцию четыре стихотворения. Вот начало одного из них:

*Голосом влюблённых по протокам,
Под удары первые весла,
Импульсом невидимого тока,
Ярко музицирует весна.
Зазвучала всюду баркарола.
Появились в небе журавли.
Ребятишки, скорчившись не скромно (?!),
Провожают в лужи корабли...*

Верится, что автор искренно восхищён весенним пейзажем, а нужных слов не находит. Ему, по-видимому, кажется, что чем больше в стихотворении таких книжных выражений как «импульс», «баркарола», «музицировать», тем поэтичнее оно станет. А получается как раз наоборот – все эти выражения выглядят нарочитыми, выспренними, лишают стихотворение самого необходимого элемента поэтической речи – простоты. Однако, не всё плохо в стихах Валентина Рубцова: судя по некоторым строчкам, он в поэзии – не случайный человек. В его работе чувствуется стремление к образному изображению окружающего мира. Например: *«А сегодня денёчек без облачка. Я плыву по раздольной весне, словно смолка по острой иголке, что растёт на высокой сосне»*. В этих строчках есть что-то от настоящей поэзии. А раз так, то автору надо как можно серьёзней заняться литературной учёбой, освоением родного языка, чтобы не допускать таких неграмотных оборотов речи, как «хочу знать *вашего* мнения», «избыток времени *удилаю*».

С таким же советом хотелось бы обратиться и к Владимиру Жигалову из посёлка Яшкино. По чувству его стихи очень искренние, а по исполнению – неумелые, неуклюжие, даже местами пародийного звучания. Похоже, что автор не твёрдо знает значение того или иного слова, иначе не написал бы он в своих стихах вместо «причала», «приюта» «притон», не смотрел бы на то, чего нельзя увидеть («на следы, которые уже замело пургой»...).

«С ЧЕГО Я НАЧАЛ?..»

У молодости, как известно, нет богатого жизненного опыта, поэтому начинающие авторы чаще всего возвращаются в узком кругу тем любовной и пейзажной лирики. И тем радостнее встретить стихи, затрагивающие серьёзные социально-нравственные проблемы. Пусть не всегда эти стихи совершенны по форме, но уже одно то, что их авторы пытаются поведать читателю о чём-то значительном, заслуживает одобрения.

Среди этих авторов – Г. Грищенко из посёлка Ортон Таштагольского района, приславший стихотворение под кратким названием «Подлость».

Стихотворение это о том, как беспощадно был избит хороший парень, угостивший огоньком двух встречных. О бессмысленной, немотивированной жестокости. Заканчивается стих так:

*Остался лежать человек под дождём
За то, что хотел поделиться огнём.*

Стихотворение это привлекает тем, что содержание его не может оставить нас равнодушными, потому что оно не придумано, не «высосано из пальца», а взято из действительности – к сожалению, такие истории ещё нередки в нашей жизни...

Однако в целом, за исключением процитированных строк, стих грешит отсутствием точных рифм, произвольностью некоторых выражений, а иногда и просто безграмотностью. Невольно думаешь: какой бы большой силы воздействия получилось стихотворение, если бы автор был более чутким к слову, более уверенно владел формой, техникой стихосложения.

Радует также, когда тот или иной автор дерзает, пробует в совершенстве овладеть техникой стиха, освоить его сложные формы. Заметно стремление к серьёзной работе со словом у кемеровчанина Александра Бублика. Вот его «Осенняя песня»:

<i>Листья падают, падают, Жёлтым золотом стелются. Почему-то не радует Золотая метелица. Потому ли, что синее Небо серостью стучило,</i>	<i>Солнце светит, как в инее, Осень солнце измучило. Потому ли, что плачется Золотистыми листьями В белом-беленьком платьице Березница лесистая...</i>
--	--

Стихотворение это тоже не лишено отдельных недостатков: в двенадцати строчках трижды повторяются слова одного корня (золотом, золотая, золотистая), на такое количество строк – многовато, однако автор попытался найти свои слова, необычные, но, на наш взгляд, имеющие право на жизнь: «стучило» и «березница». Такое осмысленное словотворчество нельзя не приветствовать.

И, наоборот, какое-то невольное внутреннее сопротивление вызывает небрежное, в чём-то даже залихватское обращение со словом. Этим, в частности, грешит прокопчанин Пётр Сеницын. Присланные в редакцию стихотворения он сопроводил игривой припиской: «Хочу, что вы опять меня «вздули» – скучно без этого, словно чего-то не хватает... Полистайте, почитайте, посмотрите – со стороны виднее (в чужом глазу соринка в оглоблю – так говорят)».

Давайте внимательно прочтём отрывок из его стихотворения «Обещание».

*Повезём, дотянем, перетерпим
ради всплеска будущего дня.
Мы на всех Семи Ветрах, как черти,
прокалим свои «гремучие броня».*

Нам уже как-то приходилось указывать Петру Сеницыну на смысловую мешанину в его стихах, и он, как ни странно, не сделал для себя из этого никакого вывода. В приведённом выше отрывке – то же самое легкомыслие, доходящее до сумбура. Что, к примеру, означает строка: «прокалим свои «гремучие броня»? «Гремучие броня» взяты в кавычки, но они не делают это выражение более грамотным. А чего стоят постоянно встречающиеся лихие выражения типа «нам начхать», «мы дадим!» Создаётся впечатление, что Пётр Сеницын и не собирается заниматься поэзией всерьёз, что ему нравится лишь сам процесс составления слов в короткие строчки, а каких слов – это не так уж важно. Между тем есть в его стихах что-то близкое к литературе, нет только ответственности за свою работу, которая могла бы стать плодотворной, если бы этот автор в корне изменил отношение к ней.

Анатолию Сараеву хорошо удаются пейзажные стихи, среди которых встречаются просто отличные образные зарисовки. Но вот он обратился к гражданской лирике – написал стихотворение «Мы с рожденья – солдаты», и здесь, как мне кажется, потерпел неудачу:

<i>Говорили когда-то</i>	<i>А теперь автоматы</i>
<i>Нам отцы много раз:</i>	<i>Носим мы на ремне.</i>
<i>«Мы с рожденья – солдаты,</i>	<i>«Мы с рожденья – солдаты!» –</i>
<i>Не тревожьтесь за нас!»</i>	<i>Шепчем даже во сне.</i>
<i>Уносились птицей</i>	<i>И об этом напомнить</i>
<i>Кони сыты, легки.</i>	<i>Не мешает врагу.</i>
<i>И от крови бандитской</i>	<i>Не рассёдланы кони</i>
<i>Закалялись клинки...</i>	<i>На российском лугу!</i>

Попробуем проанализировать это стихотворение. Замысел автора угадать нетрудно – сказать своё слово о преемственности поколений. Как же, в каких образах выражено всё это? Фраза «Мы с рожденья – солдаты» кажется крылатой, почти афористичной, но смысл её неверен. Солдатами не рождаются (так, кстати, назвал один из своих романов Константин Симонов), ими становятся в силу обстоятельств. Так что «афоризм» этот несостоятелен. Весьма спорно образное выражение: «И от крови бандитской закалялись клинки». Читаем дальше: «А теперь автоматы носим мы на ремне». Разве автоматы – основное оружие солдат семидесятых годов? Сказано как будто о годах Отечественной войны, а не о веке ракет. Лирично звучат строки: «Не рассёдланы кони на российском лугу», но, по сути, они опять-таки неправильны. Во-первых, если кони – на лугу, то они обязательно рассёдланы, во-вторых, конница в современной войне – анахронизм. Да притом не совсем логичен переход от автоматов к коням. Раз уж речь зашла не о клинках, а о новом виде оружия («А теперь автоматы...»), то упоминанием про это новое оружие и надо было заканчивать мысль, иначе получается всё шиворот-навыворот.

Хочется сделать ещё такое замечание. Не к лицу Анатолию Сараеву, способному поэту, становиться в позу, писать в таком роде: «Если не понравится вам моё стихотворение, не посчитайте за трудность выбросить в урну». «Не посчитайте за трудность» – зачем подобное «красноречие», когда имеешь дело с поэтической работой, которая, надо полагать, дорога тебе, и вдруг – в урну...

Слишком болезненно воспринимает нашу критику новокузнецкий Владимир Петраш. Но что поделаешь, если многие его стихи нуждаются в существенной доработке. Вот первое в присланной подборке стихотворение «Маме»:

<i>О мама, мама, мы уже седые!</i>	<i>И говоришь: «Вы кушайте, мальчишки...»</i>
<i>За десять лет в избе твоей впервые!</i>	<i>Да полно, мать, и так наелись слишком!..</i>
<i>Ты, чем богата, угощаешь нас –</i>	<i>Изба родная стала нам чужой,</i>
<i>И две слезинки радости у глаз.</i>	<i>В ней ты одна горюешь над бедой.</i>
<i>Разлука позади – помолодела,</i>	<i>И вот сейчас, собравшись воедино,</i>
<i>Не посидишь пяти минут без дела.</i>	<i>Нам как укор волос твоих седины.</i>
<i>Ты суетишься около стола,</i>	<i>И, пред тобою чувствуя вину,</i>
<i>Припоминая, всё ли подала.</i>	<i>Мы не скрываем нашу седину...</i>

Неискущённый в поэзии читатель может сказать: а чем плохо это стихотворение? Такое задушевное и простое. Критиковать его не за что, всё хорошо. Хорошо, да не всё. Первая половина стихотворения до слов «мальчишки», действительно, не вызывает никаких замечаний. А дальше... «Изба родная стала нам чужой». Не может стать чужой изба, где живёт дорогой, близкий, самый любимый для тебя человек. «Чужой» – не то слово. Отвыкли – другое дело. «В ней ты одна горюешь над бедой». Сам собой напрашивается вопрос: над какой именно, в чём конкретно заключается эта беда? Автор не нашёл нужных слов. Приходится лишь догадываться, что он хотел сказать, какую мысль выразить: в ней ты одна переживаешь все свои беды и радости... «И вот сейчас, собравшись воедино, нам как укор волос твоих седины». Фраза построена неграмотно, она напоминает ту, которая уже стала классическим примером неправильного, нерусского оборота речи: проезжая мимо станции, у меня слетела шапка с головы... «И, пред тобою чувствуя вину, мы не скрываем нашу седину». Причём тут «наша седина», которую «мы не скрываем»? Разве это главное в психологическом настрое сыновей? Не седину свою они не скрывают, а именно вину, боль, может быть, стыд за то, что так долго не навещали одинокую мать.

Как видим, с первой половиной стихотворения Владимир Петраш успешно справился, а вторую написал не в полную силу, как попало. И было бы медвежьей услугой не указать ему на это, боясь задеть авторское самолюбие.

Так что не следует обижаться на критику – была бы она лишь справедливой, непредвзятой. Выслушать внимательно дельные замечания, учесть их в дальнейшей работе, начать писать лучше прежнего – не такое ли отношение к критике самое правильное?

Приятно отметить, что так поступают многие наши корреспонденты. Печать упорной, кропотливой работы над стихами видна в новой подборке Бориса Лукина из г. Тайга. Взять хотя бы вот это небольшое стихотворение:

<i>С чего я начал?</i>	<i>Что бежит ручей,</i>
<i>Я писал в тетради,</i>	<i>Как ходит за водой</i>
<i>Что вижу солнце,</i>	<i>Соседка Надя –</i>

*Сквозь радугу
Сверкающих лучей.
Идёт обратно.
Подбегу напиться.*

*И отраженьё зыблется в струе.
А солнце
По глазам моим искрится
И гладит по курчавой голове!*

Впечатление от стихотворения очень симпатичное. Искренние, светлые, какие-то, я бы сказал, праздничные по настроению строчки. В этом настроении – как бы первооткрытие мира, оно очень достоверно передаёт чувства человека, приобщающегося к поэзии, к какому-то новому – как впервые в жизни – восприятию окружающего мира. Единственное место, которое требует уточнения, это строка о солнце: «по глазам моим искрится». Точнее было бы не «по глазам», а «в глазах». Да ещё приблизительная рифмовка в этой же строфе: струе – голове. В ручье – струе, синеве – голове – вот это более полные рифмы.

Перефразируя Чехова, можно сказать: в настоящем стихотворении всё должно быть хорошо – и рифмовка, и ритмика, и мысли, и эпитеты, и образы.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// *Комсомолец Кузбасса*. – 1972. – 6 июня. – С. 3.

НИКОГО НЕ ПОВТОРЯТЬ

Критика, если она объективна и справедлива, всегда приносит большую пользу. Ещё лучше, если сам автор умеет относиться к своей работе критически, придирчиво, тогда он и замечания других воспринимает безболезненно, без чувства ущемлённого самолюбия. И хорошо, когда эти замечания со стороны совпадают с твоими собственными сомнениями относительно того или иного произведения. Значит, критик прав. Значит, дело за тем, чтобы учесть его высказывания и, засучив рукава, снова засесть за работу.

Правильные выводы из наших критических суждений сделал новокузнецанин Владимир Петраш. Он, например, согласился с тем, что многие его стихи риторичны, информационны, не несут в себе того поэтического заряда, который зажигает сердце читателя. Результатом серьёзного пересмотра своих творческих позиций явилась новая подборка стихов, которая, безусловно, заслуживает внимания и поощрения. Большинство стихотворений этой подборки подвергалось тщательной доработке, перед нами – новые варианты старых вещей в новом, положительном качестве. Одно из стихотворений – «Бревенчатый собор» – стоит привести полностью:

*Когда неважно смастерят
Или построят что-то,*

*Тогда в народе говорят:
Топорная работа.*

*Я под Орлом смотрел собор,
Он и теперь как новый:
Там был хозяином топор
В руках мастерового.
В нём ни единого гвоздя,
Но кто его разрушит?
Он помнит сеево дождя
И знает зной и стужи.
И всё стоит, и ничего!..
И ювелир приезжий*

*Всё смотрит, смотрит на него
Восторженно и нежно.
Ещё до Первого Петра,
До Грозного Ивана
Русь начиналась с топора,
Как лирика с Бояна.
В труде – топор, в бою – топор,
Лицо в крупинках пота.
Стоит бревенчатый собор –
Отличная работа.*

И про само стихотворение можно сказать: неплохая работа, хотя она и не доведена до возможного совершенства. Следовало, скажем, сделать более точными по мысли строчки: «Он помнит сеево дождя и знает зной и стужи». Не «помнит» и не «знает» напрашивается тут, а что-то другое, то, что в данном варианте лишь подразумевается: собор сумел выстоять под дождями, зноем и стужей. Кстати, не мешало бы автору вспомнить, что множественного числа у слова «стужа» нет. Следовало также подумать о более разнообразной рифмовке, не рифмовать дважды в коротком стихотворении одни и те же слова: *собор – топор*, не довольствоваться весьма отдалёнными созвучиями: *приезжий – нежно*. Но несмотря на эти отдельные недостатки, в целом стихотворение «Бревенчатый собор» оставляет, как мы уже говорили, неплохое впечатление благодаря удачно найденным словам, поэтической простоте, естественности интонаций.

На этом примере мы видим, как полезно возвращаться к уже написанному стихотворению, стремясь как можно лучше отшлифовать его.

Кемеровчанка Вера Крюкова прислала несколько стихотворений, с одним из которых хочется познакомить наших читателей. Называется оно «О любви»:

*Тихим звоном песня льётся
Из волшебного ручья.
Рядом девушка смеётся.
Что за диво? Кто и чья?
Соткана из разнотравья,
Птиц различных голосов...*

*Кто же, кто же ты такая,
Вся из синих васильков?
Так прекрасна! Так чудесна!
Улыбается мне вновь.
Сердцу стало тесно-тесно.
Это же пришла любовь!*

Что привлекает в этом маленьком, но законченном по мысли и чувству стихотворении? Прежде всего – стремление автора говорить образным, то есть поэтическим языком. И по форме всё сделано добротное, за исключением слабых созвучий: *разнотравья – такая* и расстановки слов в строке: «Птиц различных голосов». Эти частности, однако, почти не нарушают внешнего благополучия строк и строф, но если заглянуть в них поглубже, то легко обнаружить недостаток более существенного характера. Возьмём строчку: «Рядом девушка смеётся». Здесь главный корень образной неточности. Изобразить любовь в виде прекрасной сказочной девушки, когда ты сама девушка, это значит вызвать недоверие читателя к достоверности поэтической фантазии. Ничто не вызвало бы сомнения лишь в том случае, если бы эти строки написал юноша, тогда всё было бы, как говорится, на своём месте. Можно предположить, что когда приходит любовь к девушке, то всё в мире преобразается: и небо становится васильковым, и чья-то песня кажется звучанием волшебного ручья, и обычный людской говор кажется сотканным из различных птичьих голосов... Именно так надо было написать Вере Крюковой.

Очень неопытен и литературно несамостоятелен прокопчанин Владимир Уфимцев, в чём нетрудно убедиться, прочитав начало его стихотворения без названия:

*Берег вновь окутан светом.
Льётся синяя волна,
И мутится алым летом
Златокудрая страна.
В перезвон гитары звонкой
Заплясал погожий день.
Гей, родимая сторонка,
Край российских деревень...*

Владимир Уфимцев – весь в плену Сергея Есенина. Он копирует даже его манеру выражаться. Но копирует его так, что большинство строк вызывает недоумение. Вот и в этом стихе вначале говорится, что «берег вновь окутан светом». Выходит, день ясный, солнечный. С чего же вдруг «замутилась» «златокудрая страна»? Автор не видит то, что изображает, он просто зачарован звучанием строк, не замечает дальше, что неловко построена фраза «заплясал в перезвон», что «край российских деревень» явно перекликается уже со строками Александра Жарова из его знаменитой «Гармонии». Говорить о стихах Владимира Уфимцева как о самостоятельных художественных произведениях пока не приходится, хоть присутствуют здесь, казалось бы, самые типичные поэтические атрибуты.

Во власти неповторимой есенинской поэзии и Валерий Сибикин из Мысков. Вспомним начало поэмы Есенина «Чёрный человек»: «То ли ветер свистит над пустым и безлюдным полем, то ль, как роцу в сентябрь...» и так далее. А вот строчки из стихотворения Валерия Сибикина: «То ли псы накликают

покойника, то ль рыдает метель за окном». И далее – об отчем доме: «Нас в нём пятеро. Страшен вечер. Это логово, ясно, что ж, забивает без промаха ветер, не промажет осенний дождь». Думается, нет необходимости дальнейших сопоставлений, и этих вполне достаточно, чтобы понять, что собственная муза у Валерия Сибикина ещё не созрела, она – лишь слабый отголосок готовых поэтических образцов со всеми их особенностями и отличительными свойствами, включая интонации и образы.

Когда читаешь подражательные сочинения, можно подумать, что авторам просто нечего сказать, нечего поведать из своего жизненного опыта, что их увлекает лишь механический процесс построения строчек в рифму. Подражательные стихи можно сравнить с игрушечными пистолетами: сделаны они, как настоящие, боевые, но стрелять из них нельзя. Такими вот игрушками забавляются, к сожалению, многие молодые авторы.

Никому как будто не подражает новокузнецанин Борис Рахманов, но в его стихах тоже лишь видимость поэзии. Давайте внимательно прочитаем одно из его стихотворений:

<i>Деревня. Лес и воздух.</i>	<i>Болотных кочек площадь,</i>
<i>Прозрачная вода.</i>	<i>Где уток бил я влёт.</i>
<i>Такой прекрасный отдых</i>	<i>По полю и лугами</i>
<i>Запомнишь навсегда.</i>	<i>Брожу я целый день.</i>
<i>Мне с детства всё знакомо –</i>	<i>С рыбалкой и грибами</i>
<i>Деревня. Лес и воздух.</i>	<i>Совсем забыл про лень.</i>
<i>Сосна, что возле дома,</i>	<i>Мой отпуск пролетает</i>
<i>За домом берег крут.</i>	<i>Как будто в сладком сне.</i>
<i>Берёзовая роца,</i>	<i>Я вещи собираю,</i>
<i>Где груздь сырой растёт,</i>	<i>Пора в дорогу мне.</i>

Единственное, что позволяет нам назвать эти строчки стихотворными, – это рифмы. А попробуем на миг представить, что рифмы здесь отсутствуют, и сразу же перед нами предстанет заурядная, скучная проза, не имеющая ничего общего с настоящими стихами. Суть стихотворения сводится к одному не новому умозаключению: прекрасно отдыхать в деревне. Однако, ничего нового, свежего в деревенском пейзаже читатель не видит, всё это «знакомо с детства» не только автору, а и любому, кто хоть раз бывал в деревне. Причём как равнодушно, бесстрастно повествует об этом прекрасном отдыхе: «*Деревня. Лес и воздух*». А разве в городе воздуха, как такового, нет? Разве не надо было подчеркнуть каким-то ярким эпитетом, какой именно воздух в деревне в отличие от городского? А насколько прозаично выражение: «*Болотных кочек площадь*». Чуть выше вызывает улыбку строка: «*Где груздь сырой растёт*». На корню груздю и положено быть сырым. Совершенно лишней в этом стихотворении является информация: «*Я вещи собираю, пора в дорогу мне*». Ради чего заявлено об этом? Читатель и так знает, что лирический герой в деревне временно, на отдыхе, что он уедет отсюда. Другое дело, если бы в этой информации было выражено какое-то чувство – прощания ли, сожаления ли, что вот приходится расставаться со всем, что так мило и дорого с детских лет.

Беда подобных стихотворений в том, что в них есть внешние элементы стихотворной речи – рифмы, ритм, и поэтому неопытным читательским взглядом они ставятся где-то в один ряд с настоящими стихами. Но самый беглый анализ внутренней сути показывает, что к поэзии всё это не имеет отношения.

Очень уязвимым местом в поэтической работе кемеровчанина Владимира Манжоса является ритмическое построение строк, многие его стихи написаны таким размером, который трудно уловить. Этот недостаток заметно портит их. Но поэтическое настроение, стремление к образности позволяет надеяться, что Владимир Манжос изживёт со временем этот недостаток и порадует нас более отточенными по форме стихами. Ведь удаётся же ему находить чёткий ритм в некоторых вещах, как, например, вот в этом стихотворении со старинным, но никогда не стареющим названием «Весна»:

<i>Расцвела вдруг ватюю</i>	<i>он восход весенний</i>
<i>верба под окном,</i>	<i>посылает мне...</i>
<i>И в окно стучится</i>	<i>Солнце, улыбаясь,</i>
<i>солнца лучик-гном!</i>	<i>пляшет в ручейках,</i>
<i>Пробуравив воздух,</i>	<i>шаловливый ветер</i>
<i>скачет по стене –</i>	<i>виснет на руках...</i>

Последние две строчки могут вызвать вопрос: почему «*ветер виснет?*», но не будем придирааться к молодому автору, который, написав их, старался выразиться по-своему, оригинально, никого не повторить. Никого не повторять – это должно быть одной из главных задач молодых стихотворцев.

М. Небогатов, член Союза писателей СССР. г. Кемерово.
// *Комсомолец Кузбасса*. – 1974. – 2 апреля. – С. 3.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПОЭТ...

Перед всяким молодым автором, пробуящим приобщиться к стихотворчеству, на первых же порах возникает множество вопросов, которые ему предстоит решить в процессе творчества. И одним из главных является вопрос: а с чего, собственно, начинается поэт? С того ли, что надо в первую очередь освоить стихотворную речь – научиться складывать слова в определённом ритмическом порядке, скрепляя их на конце строк рифмами? Или же поэт начинается с оригинального взгляда на мир, со своего, присущего только тебе восприятия предметов и явлений? А может быть, с умения образно выразить свои впечатления, мысли и чувства?

Вопросов, повторяем, очень много, и однозначного ответа на них, разумеется, нет, потому что так же много и необходимых условий, которые предъявляет поэзия автору, мечтающему практически приобщиться к ней. В какой-то степени это кому-то удаётся (или, наоборот, не удаётся) – на такой вопрос красноречивее всего отвечают конкретные вещи, сами произведения начинающих стихотворцев.

Познакомимся со стихами, принадлежащими перу Галины Медведевой из Тисуля. Сразу же хочется отметить одно положительное качество этих стихов: немногословие. На коротких стихах легче сосредоточиться и самому автору, и читателю видней все их достоинства и недостатки. Вот, скажем, стихотворение «Ветер юности»:

*Разметав по снегу гриву,
Рассыпая звон копыт,
Дикий, пламенный, красивый
Ветер юности летит.
Полям, лесом ли, тайгою –
Только с ним мне по пути.*

*Небо выгнулось дугою,
Облаков цветут кусты.
Время плавится в зените.
Шар-планету закружив,
Ветры юности, звените,
Славьте солнце, славьте жизнь!*

Какие же достоинства обращают на себя внимание при первом взгляде на это стихотворение? И есть ли они вообще? Да, есть. Удачно выбран для разработки темы юности ритм – бодрый, жизнерадостный. Но дело не только в ритме, как таковом. Следует отметить и верные в данном случае интонации, которые с наибольшей отчётливостью звучат в последних строчках, светлым, мажорным настроением венчая всё стихотворение. Кроме того, при первом же прочтении его видишь, что автор не новую в общем-то тему старается оживить своими, новыми образами: «Небо выгнулось дугою, облаков цветут кусты». Это – своего рода поэтические находки, они радуют. Но есть тут и существенные недостатки.

Не совсем продуманным кажется мне образ, который даётся ветру юности: мы должны нарисовать в своём воображении что-то весьма неопределённое – какое-то дикое животное, судя по гриве и копытам, – коня. Ладно, предположим, что это конь – «дикий, пламенный, красивый». Но тогда как же быть с дополняющими этот образ восклицаниями: «Ветры юности, звените, славьте солнце, славьте жизнь». Ведь коням звенеть не дано, они могут только ржать. Так что образ: ветер юности – конь получился недостоверным, а поскольку с него всё начинается, то и стихотворение в целом оказывается несостоятельным.

Кстати, первая строка даёт повод для попутного замечания: необходимо следить за благозвучием не только рифм, а и словосочетаний во всём тексте. «Разметав по снегу гриву» – по звучанию очень плохо, в последних словах сочетание довольно неловкое: гугри. Ещё я бы сказал, что нельзя, по-моему, считать рифмами такие пары слов, как *закружив – жизнь*, *пути – кусты*.

Ох уж эти рифмы! Как часто подводят они даже опытных поэтов – то своей приблизительностью, то самоцелью, когда ради хорошего созвучия искажается мысль. И вполне закономерным является пусть не постоянное, а периодическое стремление того или иного поэта освободиться от плена рифмовки путём обращения к нерифмованному стиху. Есть такое стихотворение и у Галины Медведевой:

<i>Долгозвучно июньское утро –</i>	<i>парные лучи солнца.</i>
<i>и в медленном восходе солнца,</i>	<i>Потом рыжее стадо</i>
<i>и в пронзительном пенье птиц.</i>	<i>идёт на пастбище-дуг,</i>
<i>Тенькают о подойник</i>	<i>и солнце тоже выходит</i>
<i>тёплые струйки молока,</i>	<i>на пастбище-небо</i>
<i>и струятся на землю</i>	<i>пасти красивые белые облака.</i>

Без преувеличения можно сказать, что эта картина природы увидена и нарисована способным поэтом. Всё здесь точно по изображению и образности. Особенно естественна и органична связь двух строчек: о струйках молока и парных лучах солнца, один образ как бы вливается в другой: «парными» названы лучи, а по ассоциации мы видим и парное молоко. Очень тонкое чувство поэтической метафоры, образа.

А вот как по-своему говорит Галина Медведева о том, чего не обошёл в своём творчестве ни один поэт, – о любви:

<i>В последний раз возникнет пламенем</i>	<i>Потом пустыня одиночества,</i>
<i>и опалит меня любовь.</i>	<i>тоска по капельке любви,</i>
<i>Потом лишь память –</i>	<i>которая иссохла ночью той,</i>
<i>чёрным знаменем,</i>	<i>когда посмел ты не прийти.</i>
<i>свидетельством: проигран бой.</i>	

Какой отличный образ: «Пустыня одиночества». И как тут к месту тоска по «капельке любви». Не по чему-то, а именно по капельке: в безводной пустыне всего дорожке капелька (или струйка) живительной влаги. Про такие стихи не скажешь, что они плохо продуманы. Нет, лучшими своими строчками Галина Медведева убеждает нас в мысли: не зря она взялась за перо, не напрасно тратит время и силы на писание стихов. Во многих из них уже слышится голос настоящей поэзии, в этом нет сомнения. А начинается поэзия, как видим, с главного – с поэтического восприятия жизни, своих наблюдений, впечатлений.

Гораздо хуже, когда начинают со второстепенного – с умения гладко рифмовать. Конечно, и о форме – о рифмах, ритмике – Галине Медведевой надо хорошенько подумать. Неуклюжая, неловкая строка часто может испортить общее впечатление от какого-то стихотворения, будь оно даже ярким по своей образности. И в этом отношении молодой способной поэтессе предстоит упорная и, по всей вероятности, длительная работа.

О стихах новокузнецчанина Владимира Петраша нам уже приходилось говорить, причём не столько похвального, сколько критического. Владимир Петраш всей душой предан поэзии, любит её и критику воспринимает правильно, без присущей многим детской капризности. Он много работает. Результаты сказываются. Стихи, написанные Владимиром Петрашем в последнее время, многим радуют. Пишет он не первый год, но как поэт начинается, пожалуй, только сейчас. Думаю, что читатели согласятся с этим мнением, прочитав, например, такое стихотворение:

<i>В том далёком, том знойном шоле</i>	<i>Три рубахи на солнце горели,</i>
<i>Мы садились на быстрых коней</i>	<i>Встречный ветер, как парус, в них дул,</i>
<i>И летели на полном аллюре</i>	<i>И земля не звенела, а пела,</i>
<i>По высокой пшеничной стерне.</i>	<i>И плясал изумрудный июль.</i>
<i>Чтоб наездником зваться толковым,</i>	<i>Ну и скорость! В той бешеной гонке</i>
<i>Надо первым примчать к тополям.</i>	<i>Мы хмелели сильнее и сильнее.</i>
<i>И несло по цветам васильковым</i>	<i>А вослед нам глядели девчонки</i>
<i>Запоздалое эхо в поля.</i>	<i>И жалели горячих коней.</i>

Лично меня очень подкупает в этом стихотворении его ритмическая напевность – вольная, размашистая, под стать васильковым полям, по которым наперегонки скачут горячие кони. Владимир Петраш счастливо избавляется от нудно-трескучей риторики, которой немало было у него в прежних стихах, пробует свои силы в красочной образности и добивается заметных удач.

Общее впечатление от приведённого стихотворения – приятное, написано это, чувствуется, не вымученно, а с огоньком, с вдохновением. Однако некоторые частные недостатки автор всё же не заметил.

Например, непонятно, о какой «высокой пшеничной стерне» идёт речь. Стерня ведь бывает на скошенном хлебном поле, осенью, а дело происходит в июле, когда хлебам только цвести да цвести. Неудачно выражение «по цветам васильковым», это звучит почти, как по реке речной. Очень неудобочитаема, тяжела по словесному построению строка: «Встречный ветер, как в парус, в них дуль». Да притом и сравнение надутых ветром рубах с парусами не совсем точное. Ветер надувает парус, чтобы корабль под ним (яхта) двигался по его направлению, попутно, а в рубахи он дует встречно. Явное несоответствие. Само собой разумеется, что та или иная рифмовка – дело вкуса автора, но, положив руку на сердце, признаюсь: я не понимаю, как можно считать рифмами такие слова, как, например, «горели – пела».

В связи с приблизительной рифмовкой вспоминается мне такой случай. Один малыш, выучив детское стихотворение, в котором рифмами были «по пятам – капитан», читал эту строчку на свой лад: *иду за ним по пятам и прошу: прокати, капитан!* Так уж, видно, устроен человеческий слух, что он не терпит плохих, неточных созвучий. Вспомните известные народные поговорки и пословицы – почти все они, за малым исключением, потому и вошли в нашу речь, что скреплены добротными, благозвучными, точными рифмами типа: «*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*». Но это так, к слову. Каждый автор волен выбирать для своих стихов любую форму, ту, которая ему по душе...

Давайте познакомимся ещё с одним стихотворением Владимира Петраша. Называется оно «Материнские руки»:

*Материнские руки молоды были
И отца моего беззаветно любили.
А потом они стали моей колыбелью,
Я на них засыпал, убаюканный пеньем.
А в войну им бывало особенно плохо,
Только мне они хлеб отдавали до крохи,
Только вновь этот хлеб для меня
доставали –
Я был мал и не знал, как они уставали.*

*А когда я попрос, я сказал: «Уезжаю».
И они на плечах моих долго дрожали.
И была нестерпимою с ними разлука –
Тяжело оставлять материнские руки.
И летели апрели, летели апрели.
Материнские руки теперь постарели.
Материнские руки теперь некрасивы.
Но спасибо, родные, за всё вам спасибо.*

Очень искреннее, сердечное стихотворение. Не так уж много в нём строчек, а благодаря образному рассказу о добрых женских руках мы видим самые главные ступени целой человеческой жизни, жизни преданной жены и любящей матери. Лишь одна строчка здесь в какой-то мере декларативна, а потому пустовата: «Тяжело оставлять материнские руки», эта строчка ничуть не усиливает чувство и не углубляет мысль предыдущей строки. А во всём остальном нет в тексте ничего лишнего, необязательного – только то, что нужно, что важно для рассказа о заветном и сокровенном для автора, а вместе с ним – и для читателя, который, прочитав это, невольно с большой любовью и благодарностью вспомнит и своё детство, и бесценные, милые руки своей матери.

В сегодняшней статье мы коснулись творчества двух авторов. Галина Медведева идёт в поэзию путём образного мышления, Владимир Петраш набирает силу, освобождаясь от общих фраз, риторических рассуждений, переходя от этой прозаичности к поэтической изобразительности, к душевной, исповеднической лирике. Истоки у обоих разные, а путь один – в мир настоящей поэзии.